

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

М. Э. Дубровина

ЭВОЛЮЦИЯ ТЮРКСКОЙ КАТЕГОРИИ СКЛОНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

Язык, на котором были составлены древнейшие тюркские надписи (язык ДТРП), хронологически может быть отнесен к периоду с конца VII до середины IX в. [1, р. 256–257; 2, с. 187; 3, с. 4]. Этот язык совершенно оправданно можно признать языком, максимально чистым от иноязычных влияний, что является важным обстоятельством для исследователей, которые стремятся на основании фактов одного тюркского языка выявить общие структурные особенности и закономерности функционирования различных категорий.

В настоящей работе фактический материал языка ДТРП подвергается теоретическому осмыслению с позиций концепции, согласно которой строй языка формируется под влиянием определенной доминирующей тенденции, *детерминанты*, представляющей те ограничения, в рамках которых языковая система должна выполнять свои функции [4, с. 122].

На основании наблюдений за свойствами тюркских языков и индуктивного обобщения наиболее существенного в этих свойствах Г. П. Мельникову удалось прийти к заключению, что детерминантой этих языков является *принцип экономии служебных элементов* [5, с. 105]. Сущность этого принципа сводится к тому, что в тюркских языках как агглютинативных, в отличие от флективных, употребление в речевой словоформе словоизменятельных аффиксов (падеж, число) обусловлено наличием коммуникативной потребности, а не сложившимися в ходе эволюции традициями, следствием которых является формально-грамматическое использование морфологических элементов, когда присутствие показателя в словоформе объясняется причиной, которую в простонародье называют «так говорят».

Дубровина Маргарита Эмильевна — канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: maggydu@rambler.ru

© М. Э. Дубровина, 2013

Настоящее исследование является попыткой охарактеризовать функции *тюркского* падежа как такового, а также выразить авторский взгляд на природу и сущность падежа с учетом тех ограничений, которые накладывает на формирование этой грамматической категории тюркское языковое мышление. Представляется целесообразным отметить, что падеж рассматривается как морфологическое средство реализации определенной коммуникативной задачи. На основании анализа конкретных падежных словоформ в речи становится возможным признать правоту тех лингвистов, которые видят эту задачу в указании на какую-либо разновидность связи, отношения предмета, называемого субстантивной основой, с другими предметами или действиями [6, с. 101].

В традиционной тюркологии существует мнение, согласно которому функционирование падежей в индоевропейских и тюркских языках одинаково, в связи с чем деление на грамматические и конкретные падежи, которое Е. Курилович предложил для падежной системы европейских языков, традиционно переносится и на тюркские языки. В основу этого деления положена первичность или вторичность синтаксической и семантической функции у рассматриваемой падежной формы. По мнению Е. Куриловича, у грамматического падежа первичная функция — синтаксическая, вторичная — семантическая (наречная); у конкретного же падежа первичная функция — семантическая (наречная), вторичная — синтаксическая [7, с. 184–186]. Приверженцы этого направления в понимании падежей считают, что различие между грамматическим и конкретным падежом проявляется в синтаксической позиции по отношению к управляющему глаголу, при этом грамматический падеж занимает доминирующее положение в группе глагола (центральная позиция), конкретный же находится на ее периферии (периферийная или маргинальная позиция) [7, 192–196]. Так, говоря об одном из тюркских языков, Х. Карасаев пишет: «...опущение косвенного дополнения не нарушает минимального смысла предложения... Опущение же прямого дополнения вносит неясность в значение предложения» [8, с. 32]. Едва ли это высказывание верно, можно привести многочисленные примеры, когда неупотребление того или иного косвенного дополнения при глаголах движения вносит такую же неясность, как и неиспользование прямого дополнения при переходных глаголах. Суть, как представляется, необходимо искать в ином. При переложении схемы индоевропейских языков на тюркскую падежную систему едва ли удастся объяснить случаи употребления или неупотребления ряда падежных аффиксов при словах, выступающих в одинаковых синтаксических ролях (прямое или косвенное дополнение, приименное определение), например, случаи факультативности показателей винительного, родительного, дательного, местно-исходного падежей в рунических текстах. Для языка ДТРП характерен менее облигаторный характер функционирования винительного и родительного падежа, нежели косвенных, пространственных падежей. То есть такие падежи, как дательный, местно-исходный, реже находятся в зоне факультативного использования, при этом «опущение» падежных показателей возможно только в том случае, если его допускает контекст, и прежде всего лексическое значение управляющего глагола (как иногда бывает в сочетании с глаголами движения). Очевидно, что такое положение вещей вытекает из какой-то особенности устройства категории склонения в тюркском языке, или, по крайней мере, в языке более архаичном, чем все известные на сегодняшний день.

Опираясь на разработанные специалистами по общему языкознанию общие формулы, схематически очерчивающие значения основных падежей, можно констатировать, что под «грамматическими» падежами обычно понимаются именительный, родительный

и винительный падежи; в группу «конкретных» падежей входят такие, как дательный, местный, аблатив (отложительный), творительный. Если переложить эту классификацию на систему склонения языка ДТРП, то в ней обнаруживаются три «грамматические» падежные формы: основная, родительная, винительная; и четыре «конкретных» падежа: дательный, направительный, местно-исходный, инструментальный [3, с. 149].

Традиционно *именительный* падеж выступает в европейских языках прежде всего как форма названия и форма субъекта действия [9, с. 171]. *Родительный падеж* в применном употреблении имеет, по словам В. В. Виноградова, «определяющее “прилагательное” значение» [9, с. 168]. *Винительный падеж* в европейских языках оформляет имя, называющее предмет, который «ближе всего и полнее всего затрагивается глагольным» действием (Дельбрюк). *Дательный падеж* служит для обозначения объекта, к которому направлено действие, при этом исследователями отмечается, что этот падеж в речи имеет множество различных семантических вариаций [10, с. 119–120]. *Местный падеж* означает объект, в пределах, внутри или на поверхности которого обнаруживается действие [11, с. 307–308]. Как известно, в современном русском языке местный падеж заменяется предложным. *Творительный падеж* имеет орудное, инструментальное значение.

Основные рассуждения о характеристике тюркских падежей в настоящей работе построены в русле наиболее убедительной и последовательной, на наш взгляд, трактовки категории падежа, предложенной Г. П. Мельниковым [12]. Исходя в своем понимании этой категории из принципов системного подхода к языковым фактам, Г. П. Мельников представляет категорию падежа как единую систему с определенными коммуникативными функциями, возникшую в языке в связи с потребностью обслуживать мыслительные «запросы» по выражению предметных отношений. В чем прослеживается эта системность? Очевидно, что отправным пунктом при анализе категории падежа становится та коммуникативная задача, которую конкретная падежная форма должна осуществлять в высказывании. Автор настоящей работы в целом принимает те выводы, к которым приходит Г. П. Мельников при выявлении основных типов связей, которые могут требовать выражения при коммуникации [12, с. 42–46]. Справедливым можно признать то, что «все словесные функции» в высказывании, построенном по модели предложения, распадаются сначала на две основные функции — на ту, которая передает информацию о субъекте высказывания (теме), и ту, которая передает информацию о предикате высказывания (реме). Два ядра типичного предложения — тема и рема, могут, как известно, быть выражены несколькими словами, из чего следует, что в «темном» словосочетании могут присутствовать слово, называющее субъект, и слова, уточняющие (в качестве атрибутивных членов) границы и характеристики субъекта. То же может, очевидно, проследиваться и в «ремной» части высказывания, в которой обязательно должны присутствовать слово, называющее предикат, и слова, так или иначе обслуживающие рему высказывания, т. е. несущие информацию о свойствах предиката или указывающие на объекты, с которыми предикат связан.

Можно допустить, что *экономия служебных элементов*, та детерминанта, которая, как представляется, определяет устройство тюркских языков, в своем крайнем проявлении приводит к так называемому корневому языку, в котором служебная информация передается с помощью самостоятельных лексем, корней-основ, употребляемых в служебной функции. Таким образом, служебные лексемы, выступающие в «приремной» части высказывания как средства передачи информации о неких связях, в которые вступает предмет, становятся базой для формирования в диахронии собственно падеж-

ных форм. В общем языкознании прижилась идея, высказанная Э. Сепиром, согласно которой для типичной ремы в языке формируется специальная группа слов — глаголы, а для простейшей типичной темы — имена [13, с. 114–116]. Следовательно, в высказывании классического корневого языка, к которому можно возвести и тюркский праязык, могут присутствовать слова-атрибуты, относящиеся к имени (теме), и слова, которые уточняют глагол (рему), т. е. приименные и приглагольные уточнения. По словам Н. З. Гаджиевой, в тюркском высказывании формируются два «концентра определений и определяемых: подлежащий и сказуемый» [14, с. 23]. Как уже говорилось, падеж есть морфологическое средство сигнализации о связях, в которые вступает предмет. Типичной ремой сообщения является названное глаголом действие, поэтому наличие разных форм «приемных» (приглагольных) уточнителей отражает потребность выразить тот или иной вид объектов, или — более широко — актантов, имеющих отношение к этому действию. Следовательно, если не дифференцировать эти виды актантов с помощью различных формальных показателей (падежных аффиксов), то можно говорить о наличии некой общей функции передачи отношения действия и объекта, т. е. «общеобъектной» функции. Но в пределах этой собственно коммуникативной функции, закрепленной как реляционное значение за любым морфологическим показателем любого падежа при глаголе-сказуемом, возникает также необходимость дифференциации видов объектов, особенно если учесть, что при одном действии могут потребовать выражения несколько объектов. Этот факт, вероятно, и служит основанием для дальнейших семантических расщеплений одной и той же «общеобъектной» функции на более частные ее разновидности и вследствие этого развития дополнительных, более узкоспециализированных форм со своими грамматическими показателями.

По мнению многих специалистов, из всех объектов наиболее частого упоминания заслуживает тот, который наиболее полно включен в действие, т. е. прямой объект [12, с. 47]. Исходя из этого логично предположить, что в грамматической структуре каждого языка «общеобъектная» функция распадается на две и закрепляется по меньшей мере за двумя грамматическими падежными формами: одна форма выполняет функцию прямого объекта, другая способна совмещать в своем значении сложный образ связи между действием и неким *косвенным* объектом, что позволяет такой падежной форме в речи передавать различные взаимоотношения действия и объекта. Таким образом, исключая прямой объект, прочие объектные функции могут, вероятно, быть объединены языковым мышлением в одну «общекосвеннообъектную» функцию. Высказанное предположение вполне может быть подкреплено фактами из тюркских языков. В текстах древних рунических памятников, как представляется, обнаруживаются рудименты, свидетельствующие о наличии в языках более древних эпох некоего косвенного падежа, обслуживающего самые разнообразные коммуникативные «запросы» по передаче связи между действием и практически любым косвенным объектом [15; 16].

Посмотрим, что имеется в индоевропейских языках. В падежных системах немецкого, французского, арабского, русского языков обязательно наличие винительного падежа как падежа, передающего наиболее важный с коммуникативной точки зрения объект — прямой. Также в качестве необходимого выступает родительный падеж, поскольку это единственное морфологическое средство, передающее не менее важную характеристику — атрибут другого предмета (чаще всего обладателя в притяжательных отношениях). Из конкретных падежных форм может присутствовать многосмысловой дательный падеж, являющийся средством передачи некоего косвенного пред-

мета. В русском языке «общекошвенная» функция далее расщепляется на более узкие функции, тем самым обуславливая возникновение более частных падежей — творительного и предложного.

Можно говорить о том, что немаловажную роль при последовательном формировании падежей играет то, насколько тесно связан с действием тот или иной вид объекта при нем. Так, прямой объект, как неоднократно упоминалось, максимально включен в действие, следовательно, не удивительно практически тотальное присутствие винительного падежа как грамматического выразителя прямого объекта в системах склонения всех индоевропейских языков.

Среди косвенных объектов, как представляется, наиболее связаны с действием и поэтому чаще требуют выражения объект, к которому направлено действие (адресат), а также прочие пространственные объекты (место); менее всего связаны с действием, по-видимому, соучастник (с кем совершается действие) или орудие (чем совершается действие). Таким образом, иерархичность падежных форм проявляется на уровне семантики в том, насколько тесно объект связан с действием. Чем теснее связь объекта и действия, тем важнее падеж, который эту связь передает. «Важность» для коммуникации выразить тот или иной объект с помощью специальной морфологической формы прослеживается и в последовательности появления в эволюции языка падежных форм. То есть умозрительно можно представить себе такую очередность возникновения падежей: сначала появляются винительный и родительный (как единственный приименный падеж), затем косвенный (дательный), затем предложный, и последним, скорее всего, возникает орудный падеж [17, с. 58].

Нельзя, однако, забывать, что тюркские языки — агглютинативные, т. е. типологически отличные от рассматриваемых выше флективных языков. Следовательно, и грамматический строй этих языков, вероятнее всего, будет иным. Кроме того, тюркские языки — типичные представители группы языков, грамматическая система которых развилась в границах *экономного использования служебных показателей*. В них экономная аффиксация проводится наиболее последовательно, вследствие чего взаимная согласованность всех языковых уровней в тюркских языках проявляется ярче, чем в других урало-алтайских агглютинативных языках.

Наличие в языке сформулированной тенденции приводит к тому, что словоизменительный показатель употребляется только в том случае, когда необходимая служебная информация не может быть выражена иным способом, без привлечения грамматики. Если служебная информация передается семантическим значением лексемы, или установленным порядком слов, или всем контекстом, то в таком случае аффикс может не употребляться. На практике это проявляется как факультативное употребление ряда форм, причем нагляднее всего это видно на примере факультативности падежных показателей. Всем известны случаи неупотребления винительного и родительного падежей в современных тюркских языках, особенно в разговорной, ненормативной речи и в диалектах. Несколько реже можно встретить отсутствие каких-либо пространственных падежей, тем не менее закономерности грамматического устройства позволяют и это. Таким образом, факультативность падежей в сущности может служить толчком для выявления исходных мотивов формирования самой категории склонения в языках подобного типа.

В качестве одного из ключевых мотивов возникновения падежных форм в тюркских языках предлагается рассматривать необходимость ликвидировать смысловую неоднозначность высказывания с помощью морфологического показателя. Если су-

существование некой связи у предмета, передаваемого «основой», естественно вытекает из контекста или является *известным* из фоновых, внеязыковых знаний участников коммуникации, то эта связь понятна *без специальных служебных средств* и в этом случае нет необходимости в употреблении падежного показателя. Если же сообщение содержит нечто *неизвестное*, если необходимо уточнить информацию о наличии какой-либо связи у предмета, выраженного исходной основой, и избежать таким образом непонимания или искаженного понимания смысла высказывания, то форма падежа, реализующего данную связь, обязательно должна быть использована.

Из высказанного предположения следует несколько выводов. Во-первых, самые архаичные падежные формы должны представлять собой средства с максимально абстрактным грамматическим значением, что позволяло бы употреблять их в речи для передачи самых разнообразных отношений предмета и других явлений объективного мира. Во-вторых, самые ранние падежные формы в тюркских языках должны были возникнуть как средства передачи прежде всего косвенных отношений предмета, т. е. быть прообразом современных косвенных падежных форм.

Последнее проистекает из известного уже факта, что косвенный объект как компонент мысли более удален от действия. Так, связь глагола *kylyp-* 'быть воспитанным' и объекта, выраженного словом *äl (il)* 'государство', обрисовывается не очень четко, что подталкивает носителя языка сделать эту связь более понятной для слушающего посредством служебного элемента, в частности аффикса дательного падежа:

Karagan Ältäris kagan älinä kylyntum (O, 4) 'Я, Капаган, был воспитан в преданности государству Эльтерис-кагана'.

Таким образом, в соответствии с определяющей устройством этих языков *тенденцией к максимально экономному употреблению служебных элементов* в языке наиболее раннего периода к передаче морфологическим путем тяготели, очевидно, те косвенные объекты, которые являлись наименее естественными и логичными для коммуникантов и не могли быть выражены только порядком слов или соположением. Напротив, для передачи тех связей, которые в других языках выражаются родительным и винительным падежами, как наиболее важными и предсказуемыми с коммуникативной точки зрения, логично воспользоваться позиционными возможностями, т. е. располагать слова, обозначающие либо обладателя при принадлежности, либо прямой объект воздействия, непосредственно перед словами, к которым они относятся, и не задействовать дополнительных морфологических средств.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что в дорунический период процесс формирования падежей как грамматических средств, актуализирующих тот или иной вид предметных связей, гипотетически мог протекать следующим образом: вероятнее всего, из единой «общеобъектной» функции на мыслительном уровне выделялись «прямообъектная» и «общекосвеннообъектная» функции, т. е. происходит вычленение двух первичных, существенных с коммуникативной точки зрения функций, выразителями которых стали падежи. При этом «прямообъектная» функция на морфологическом уровне изначально могла не иметь материального выразителя, т. е. самостоятельного падежного показателя, так как под влиянием принципа экономной аффиксации для древнего состояния языка характерна тенденция передавать наиболее предсказуемые с точки зрения коммуниканта объектные отношения посредством соположения слов, называющих объект и действие. «Общекосвеннообъектная» функция

в тюркском языке могла выражаться неким одним «общеобъектным» падежным средством, обслуживающим широкий диапазон смыслов. Далее, из значения такого «общеобъектного» падежа могли отщепляться наиболее употребительные смыслы, которые становились грамматическими значениями новых, более узких по специализации падежей.

В распространенном высказывании древнего тюркского языка, где у глагола могло быть несколько объектов (актантов), прямой объект мог быть передан *соположением*, прочие же косвенные объекты должны были выражаться каким-то иным путем, вероятнее всего, путем привлечения морфологических падежных средств. Но необходимо уточнить, что в рунических текстах, несмотря на довольно развитую систему падежей, продолжают употребляться относительно короткие высказывания, в которых актантов при глаголе может быть два-три. Это косвенным образом подтверждает предположение о последовательном развитии падежей, ведь в более древний период носитель языка также мог предпочитать короткие высказывания, чтобы избежать необходимости пользоваться дополнительными морфологическими средствами. При таком положении дел в языке долгое время могло не возникать потребности в формировании более чем двух-трех падежей. Только на заключительных этапах возникают винительный и родительный падежи. Важно, что родительный падеж в «рунический» период только начинает входить в речевой оборот. В большинстве случаев притяжательная связь передается без привлечения этого падежного аффикса.

Видно, что эволюция падежных форм, предлагаемая в настоящем исследовании, прямо противоположна той, которая прослеживается во флективных языках и характеризуется тем, что в ней морфологическое выражение получают в первую очередь явления, наиболее важные с коммуникативной точки зрения.

Так называемые грамматические падежи флективных языков (винительный, родительный) в силу исключительности своих значений, передавая важные с точки зрения понятийного содержания отношения между элементами действительности, в модели общетюркской категории падежа долгое время не имели материального показателя, а то *содержание*, которое обязательно присутствует на мыслительном уровне — прямой объект воздействия и атрибут субъекта (предмета), — на языковом уровне выражалось соположением слов как максимально экономичным грамматическим способом выражения служебной информации.

Что касается именительного (основного) падежа, который исследователи традиционно обнаруживают в парадигме тюркской категории склонения по аналогии с именительным падежом европейских языков, то репрезентация логического субъекта действия вообще, очевидно, не нуждается в грамматическом «выразителе», так как представляет собой максимально предсказуемую информацию для тюркского языкового мышления. В связи с этим можно говорить о том, что в системе тюркского падежа именительный падеж до сих пор не сформировался. Косвенные падежи, напротив, возникают еще на заре тюркских языков, поскольку передаваемая ими информация может не вытекать из контекста, ее необходимо подкрепить грамматическим знаком. На момент создания рунических текстов в тюркских языках существовало несколько падежных форм, возникших, предположительно, в такой последовательности: форма *-уп* — наиболее древняя — общеобъектный падеж; форма *-ка* (дательный падеж) могла возникнуть позже как специализированное средство, передающее более узкий спектр косвеннообъектных смыслов; параллельно с ней или немного позже могла возникнуть

форма -*da* (местно-исходный падеж), полифункциональное средство передачи косвеннообъектных смыслов; формы -*garu* (направительный падеж) и -*ča* (сравнительный падеж), на наш взгляд, являются относительно поздними морфологическими средствами, имеющими конкретные значения; форма -*dan* (исходный падеж) в рунических текстах практически не употребляется, очевидно, потребность в нем возникает только в синхронии более позднего языка — древнеуйгурского.

На этапе языка ДТРП названные падежные формы на основании своих семантически родственных функций могут быть объединены в следующие группы: форма с показателем -*un* и форма с показателем -*ča* входят в группу *сопроводительных* падежей; форма с показателем -*ka*, форма с показателем -*da*, форма с показателем -*garu* — в группу пространственных падежей. Винительный и родительный падежи не объединяются в группы, так как имеют изолированные функции — функцию прямого объекта и функцию уточнения при имени соответственно.

Литература

1. *Кляшторный С. Г.* Руническая надпись из Восточной Гоби // *Studia Turcica*. Budapest, 1971. P. 250–261.
2. *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
3. *Конов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980. 256 с.
4. *Мельников Г. П.* Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 121–137.
5. *Мельников Г. П.* Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. М.: Наука, 1969. № 6. С. 104–113.
6. *Гузев В. Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения. Имя. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 174–203.
7. *Курилович Е.* Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы. 1962. С. 174–203.
8. *Карасаев Х.* Семантика падежей в киргизском языке // Труды института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. I (1944). 1945. С. 26–44.
9. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
10. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
11. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка // Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высшая школа, 1973.
12. *Мельников Г. П.* Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39–64.
13. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс»; Универс, 1993. 656 с.
14. *Гаджиева Н. З.* О методах сравнительно-исторического анализа синтаксиса // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1968. № 3. С. 19–30.
15. *Губайдулина М. Э.* К вопросу о значении так называемого инструментального падежа // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. И. Цинциус (13–14 октября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 88–99.
16. *Губайдулина М. Э.* О многофункциональности морфологических единиц (на примере формы -*un*) как следствии особенности строя тюркских языков // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. И. Цинциус (13–14 октября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 100–107.
17. *Степанов Ю. С.* Проблема классификации падежей (совмещение классификаций с его следствиями) // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 36–48.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.